

димось распутывать сюжетные узлы. Возникнет — значит надо распутывать, а не стеснять себя односторонней трактовкой «обрыва линий». В конечном счете важно, чтобы получилась правдивая, цельная картина сложного исторического периода.

А «роман-событие» и «роман-судьба» — термины неудачные, приблизительные. Противопоставление их ведет к искусственному разграничению событий и человеческих судеб, тогда как в жизни надо видеть и показывать их взаимосвязь, ибо человек немислим вне окружающего его мира.

ПУТЬ К СПРАВЕДЛИВОСТИ

В последних своих произведениях («За бегущим днем», «Тройка, семерка, туз», «Суд») В. Тендряков избирает, казалось бы, очень различные проблемы. На первый взгляд нет близкой связи между исканиями Бирюкова, происшествием на лесосплаве и странным случаем на охоте, о котором идет речь в повести «Суд» («Новый мир», 1961, № 3). Однако при всем различии сюжетов, персонажей, конкретных жизненных обстоятельств эта связь есть — она идет по нравственной линии: как жить? Можно сказать, писатель как бы разными сторонами поворачивает одну тему, переходит от решения одной задачи к другой. Уделяя большое внимание морально-этической проблематике, В. Тендряков не удаляется от важных вопросов современности. Иное дело — как они решаются?

В «Суде» писатель выделил вопрос о честности и правдивости человека перед самим собою.

На мой взгляд, в литературных дискуссиях об этой повести больше всего не повезло образу Дудырева. Какие только упреки не сыпались на него! Некоторые критики все усилия употребили на то, чтобы именно Дудыреву приписать самые тяжкие грехи. А между тем давайте внимательней прочитаем повесть...

Старый охотник Семен Тетерин, фельдшер Митягин и начальник строительства большого деревообделочного комбината Дудырев оказались участниками сложной драмы. Кто-то — Дудырев или Митягин — случайно, без всякой преднамеренности убил молодого

парня. И вот подробнейшее расследование трагического случая. Как ведут себя люди, и не только эти трое, но также следователь Дитятичев, прокурор Тестов, председатель колхоза Донат Боровиков?.. Как выдерживают они нравственное испытание?

Бездушно-чиновничье поведение Дитятичева. И, в сущности, от него и происходит больше всего бед: по карьеристским соображениям он хотел бы выгородить Дудырева, всю вину взвалить на слабого и робкого Митягина. Дитятичев так ведет следствие, что убивает у людей веру в правду и справедливость. Это и является главным обличительным острием повести. Дитятичев запутал и толкнул на ошибочный путь Семена Тетерина. Старый охотник не знает, что противопоставить лжи, он сам оказывается в положении лжесвидетеля. Это как бы «страдательный результат» подлости и бесчестия.

Но есть в повести и другая тема, иное отношение к происшедшему. Ведь Дудырев не только негодует на Дитятичева, но и сам начинает взыскательней оценивать свою деятельность, строже относиться к себе и своим поступкам. У Дудырева растет сопротивление, противоборство дитятичевским методам: «Он возмущался следователем. А сам?.. Настаивал строить не капитальное жилье, а бараки, приводил веские доводы — быстро, дешево, просто... Главное, просто! Не надо будет изворачиваться и экономить, не надо задумываться, откуда оторвать рабочую силу, не надо беспокоиться, что сорвешь утвержденные планы. Проще! Легче! Разве это не называется — искать под фонарем?»

Позицию Дудырева нужно особо отметить: она имеет большое значение для уяснения смысла повести. Дудырев хочет добиться верного решения и по закону и по совести. Он дорожит моральным авторитетом, несчастный случай на охоте заставляет его обостренней думать о людях, о соблюдении социалистической законности. Столкновение с Дитятичевым заставляет Дудырева требовательней анализировать и свои собственные действия, повышать нравственные критерии, отказываться от упрощенных и облегченных решений.

Однако, повторяем, некоторые рецензенты самую низкую оценку за поведение поставили прежде всего Дудыре-

ности только потому, что со спокойной совестью удобней жить. Будто бы он почти все растерял из своих хороших качеств. У него находят лишь «остатки той действительной, естественной, врожденной честности, которая была когда-то присуща ему самому и наверняка была свойственна его нравственным предшественникам. Потом он ее как-то не смог сберечь, растерял. Осталось от нее тоже немалое — вот это надсадное стремление к ней» (И. Борисова. Так случилось... «Литературная газета», 27 апреля 1961 г.).

Молодой критик И. Борисова, не скупясь, приписывает Дудыреву многое множество грехов. Дудырев уличается рецензентом в утрате «врожденной честности» и отрыве от народа на том основании, что при разборе трагического случая, взвешивая то одни, то другие аргументы, он испытывает смятение. Ах, так, значит, у него лишь «тренированное благородство», он полон «неуверенности в своей благородной сути», наконец, «идя на обман, соглашаясь с полуправдой, Дудырев пускается на браконьерство самого преступного толка».

Как говорится, разделан Дудырев под орех, до конца морально изничтожен. Однако при этом совсем не принято во внимание, что он преодолевает и что нравственно приобретает, как развивается его характер. И. Борисова осуждает героя раньше, чем он выслушан и понят полностью. Так признается как бы несущественным раскрытие духовного процесса — подай сразу человека «оформившегося». Тогда зачем же писать повесть, так пристально выявлять диалектику душ?!

А полностью раскрывается Дудырев именно в конце — в поведении и речи на суде. Тут видно, что он приобрел, чем нравственно обогатился и что еще остается в нем слабого, что нужно ему в дальнейшем преодолевать. Более объективную оценку мы видим в статье А. Туркова «Дудырев против Дудырева» («Комсомольская правда», 26 мая 1961 г.). Критик верно уловил, что Семен Тетерин фактически имел союзника в лице начальника строительства.

Нельзя оставить без внимания сложность отношений Константина Сергеевича Дудырева со всеми персонажами, в том числе с Тетериным. Конечно, Се-

мен — человек простодушный. Дитятичев его запугал и запутал. Но в сознании самого Тетерина уживаются «совестливость» и недоверие к тому, что люди могут быть равны перед законом. Семен с самого начала, до разговора со следователем, во многом усложняет положение Дудырева, как бы толкает его использовать свою власть, свое влияние: «Люди-то, которые возле законов сидят, на тебя с почтением смотрят».

Такой поворот разговора не по душе Константину Сергеевичу. «Сообщи о том, что нашел пулю, следователю, — сухо сказал Дудырев. — А я сам ни себе, ни Митягину помочь не могу». Дудыреву приходится отвечать «сухо». Можно упрекнуть его, что он тут же не прочитал охотнику лекции о морали. Но право же, обстоятельства к ней не располагали. Не надо забывать также, что Дудырев действительно не знает, чья же пуля привела к трагической гибели паренька из соседней деревни. То, что известно критикам, просто-напросто неизвестно герою рассказа.

Отказывается Дудырев понять и намеки следователя Дитятичева, готового облегчить положение начальника строительства. Дудырев не поддается на соблазнительную уловку, более того, решительно возражает: «...боитесь сложности, ищите истину, где светлей да удобней, а не там, где она лежит на самом деле». Недаром Дитятичев «нахмурился», понял — его ставят на место, отвергают его методы.

Смятение, сложность переживаний Дудырева, которого обвиняют в убийстве, понятны. Но он стоит на том, что перед законом все равны, не «топит» Митягина, а добивается справедливого решения для обоих: «Я не считаю себя совершившим преступление, а следовательно, не считаю преступником и Митягина. Если же суд не согласится с моими доводами, посчитает нужным вынести наказание, то это наказание я в одинаковой мере должен нести с Митягиным».

Если идти от того, что есть в самой повести, Дудырев выдержал трудное испытание, хотя в дальнейшем ему придется извлечь еще более глубокие уроки из него. Зачем же отнимать у Дудырева его благородство, тот демократизм, которые он сохранил, защитил и во имя которых он будет теперь (после суровой драмы) выступать более активно?!

Однако смысл повести «Суд» преуменьшен и ослаблен весьма существенным недостатком: в повести логические выводы автора не совпадают с его художественным изображением. Поэтому старого охотника видишь и воспринимаешь иначе, чем «объясняет» его писатель. Тетерин от природы прямой, честный, неиспорченный. Но посмотрите, как он ведет себя. До трагического случая он не замечал в себе серьезного изъяна: «Считал, что все люди плохи, такой, как Дудырев спасает свою шкуру, не мучится совестью... Было утешение, теперь нет». Заварилось крутое дело, и сразу выступила слабинка. Таким образом, Семен вовсе не безгрешен. Автор понимает это и тем не менее «вытягивает» его на роль первоначального хранителя законов совести и чести. Наконец, заключительной фразой: «Нет более тяжкого суда, чем суд своей совестью», — повествованию придано не то звучание, которое определяется сущностью изображенных событий и характеров.

На большинстве страниц повести В. Тендряков не трактовал Тетерина как «олицетворение народа». Охотник и охотник — со своими деловыми, добрыми чертами. Но в конце Семену вдруг приписывается роль «олицетворителя»: он то и цельная натура, и первобытная сила, и рефлексией не растравлен. Дудырев даже испытывает вину перед ним: «Умилился и забывал, что он сам строит новые заводы, завозит новые машины, хочет того или нет, а усложняет жизнь. Усложняет, а после этого удивляется, что Семен Тетерин, оставив лес с его пусть суровыми, но бесхитростными законами, теряется, путается, держит себя не так, как подобает» (разрядка моя. — В. П.).

Эта «вина» Дудырева, человека, якобы «приписавшегося к интеллигенции», кажется нам надуманной. Тем более странно слышать столь старинные ноты в повести В. Тендрякова, писателя, хорошо знающего жизнь деревень и маленьких городов, где жизнь долго усложнялась как раз недостатком культуры, бездорожьем, слабой технической оснащенностью крестьянского хозяйства. Радостно, что мы все дальше и дальше уходим от этих времен, что все глубже проникает в быт всего народа новая материальная и духовная культура. Почему Дудырев должен сожалеть о своей деятельности?

Дудырев размышляет о цельности, бесхитростности, будто бы передающейся человеку от природы. Но если не поддаваться старинным представлениям об этом, то ясно: не к чему идеализировать природную бесхитростность. Это значит смотреть назад, а не вперед. У тетериных надо брать все сильное и красивое в их духовном складе, но брать и поднимать, брать и развивать. Современные, советские интеллигенты, во множестве вышедшие из таких же деревень и маленьких городов («Мы все, почти поголовно, оттуда люди, от земли», — хорошо сказал А. Твардовский), не испытывают укоров совести за такое «усложнение» жизни. Рефлексия кающегося интеллигента кажется неестественной, незаконмерной для характера, созданного в повести. Оправданной другое рассуждение Дудырева: «Истинная любовь деятельна». Это и перекликается с тем главным, что интересней всего в повести «Суд», — с тем, как надо бороться за честность и правдивость.

Разговор о достоинствах и недостатках повести «Суд» представляется важным потому, что литература наша, борясь за осуществление коммунистических идеалов, все больше будет внедряться в моральные проблемы. И, конечно, тут нельзя отступать от тех новых высоких качеств, которые обретает мораль человека нашего времени, мораль, укрепляющаяся в действенной борьбе за новое.

О «ТЕОРИИ САМОВЫРАЖЕНИЯ»

При обсуждении современной поэзии много пишут об обогащении и углублении лирического начала. Жизненных импульсов для этого сейчас очень много. Прежде всего новая общественная атмосфера, дух творчества во всех сферах действительности, большой простор для раскрытия индивидуальностей. Все вместе, весь, так сказать, комплекс новых условий и обстоятельств надо брать во внимание. И, наоборот, бедней, односторонней получается картина, когда новизна черт поэзии на нынешнем этапе сводится к какому-либо одному элементу. Настоящее новаторство не ходит узкими стезями: у него, как правило, широкая дорога. Когда же все новые качества подтягиваются лишь к единственному «магнитному стержню», да еще